

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ ЕС

Н. А. Слука¹
А. В. Коробков²
П. Н. Иванов¹

Статья продолжает дискурс об этнической «диффузии» в европейских странах, поднятый на страницах журнала «Балтийский регион» Ю. Н. Гладким, И. Ю. Гладким и К. Ю. Эйдемиллером [4]. Рассматривается Европа как ведущий центр притяжения иммигрантов и активного формирования этнических общностей. Отмечается, что в отличие от мусульманской иммиграции, названной «арабской весной» и носящей во многом вынужденный характер со стороны стран исхода, китайскую иммиграцию можно трактовать как плод некоего схождения идеологий стран-реципиентов — приверженцев мультикультурализма и страны-донора, проводящей политику «идти вовне». В качестве конкретного объекта исследования или показательного полигона избраны страны ЕС, а предмета — китайская диаспора. Цель статьи — выявление специфики процесса миграции из Китая и образования китайской диаспоры в странах Европы. Анализируются хронология и масштабы китайской иммиграции, качественные изменения в ее составе, факторы, влияющие на выбор страны въезда, количественные параметры и особенности размещения современной китайской диаспоры в странах региона. Предложена их группировка по численности и «возрасту» китайской диаспоры. Этническая «диффузия» рассматривается как часть «европейского проекта» в глобальной стратегии Пекина.

Ключевые слова: этническая «диффузия», «новые» мигранты, китайская диаспора, страны ЕС

Страны Европы в глобальной миграционной мозаике. Международная миграция, будучи органичной частью процесса глобализации, стала особенно заметным явлением с конца XX века. К 2015 году, согласно данным ООН, в мире насчитывалось более 245 млн лиц, проживающих за пределами стран происхождения¹, что равняется примерно 3 % населения Земли [25]. Закономерно, что «нация мигрантов» оказывает все большее влияние на политическое, социальное, демографическое и экономическое развитие отдельных стран, на межгосударственное взаимодействие и

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, д. 1.

² Университет Среднего Теннесси,
TN 37132-0001, США, ул. Ист Мейн, 1301.

Поступила в редакцию 13.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-5

© Слука Н. А., Коробков А. В., Иванов П. Н.,
2018

¹ Приведенная оценка не учитывает незаконных или нерегулярных мигрантов.

интеграционные процессы. Рост неконтролируемой миграции и формирование этнических сообществ зачастую вызывает обострение многих проблем, включая «размывание» устоев национальной культуры и замещение коренного населения иммигрантами, усиление ксенофобии, дополнительную нагрузку на рынок труда и механизмы социальной защиты, утечку мозгов, угрозу безопасности, в том числе террористической; рост преступности и коррупции и т. д. Не случайно данный вопрос в последнее время привлекает все большее внимание международных организаций, правительственных кругов разных стран, научного сообщества и общественности [2; 5; 11; 13; 24].

Европа, одна из крупнейших миграционных систем мира, испытывает в последнее время «проверку на прочность» под мощным натиском новой волны иммиграции [10]. В 2015 году число прибывших только в ЕС оценивается в 1,5 млн человек, а в 2016-м — в 1,8 млн (рис. 1).

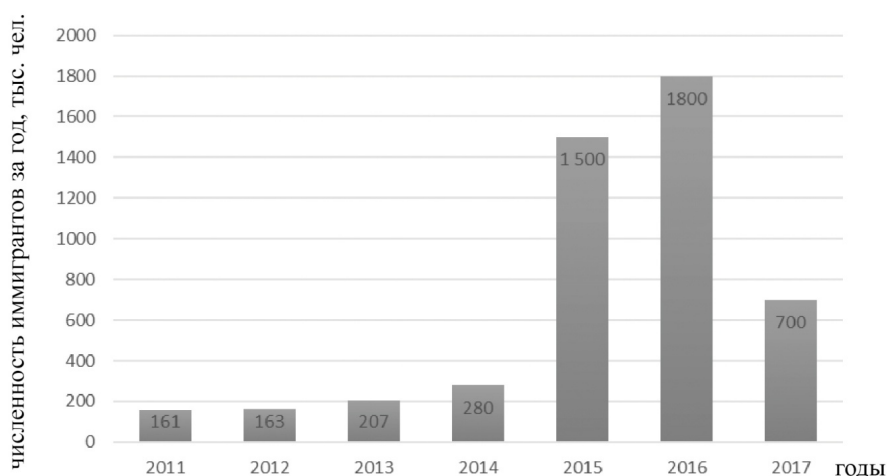

Рис. 1. Динамика прибывших в ЕС иммигрантов, 2011—2017 годы

Составлено по [20].

С усилением экономических трудностей и нарастанием этнической напряженности во многих странах региона усиливаются требования о жестком ограничении иммиграции и переориентации миграционной политики на преимущественный прием высококвалифицированных специалистов в ущерб всем остальным категориям мигрантов, включая беженцев. Николя Саркози, будучи еще президентом Франции, говорил, в частности, о необходимости перехода от «выстраданной» к «избранной» иммиграции [26, р. 17]. Несмотря на рост понимания остроты проблемы среди политической элиты, действенных мер по ее решению практически не предпринимается. В результате все чаще в адрес правительств стран ЕС звучат критические замечания. Д. П. Шатило отмечает:

Критика миграционной политики в Европе быстро нарастает. Проблема несводима к миграции и меньшинствам. Это не синонимы бедности, безработицы, агрессии, которые, например, британцы считают причиной погромов в своих городах, а их зачинщиками — белых хулиганов-подростков (*chavs*). Кризисы бьют и по среднему классу, углубляя разрыв между ним и богачами, что не снимает вопроса о качестве стратегий интеграции, адаптации, мультикультурализма, очагового или дисперсного этнического расселения; о его связи с социальным расслоением или отсутствии такового [18, с. 11].

Искушение мультикультурализмом по-прежнему остается «головной болью» как для многих западноевропейских правительств, так и для сторонников идей мультикультурализма и толерантности [4, с. 45]. Перед началом экстренного саммита лидеров стран ЕС, посвященного миграционным проблемам и намеченного на конец июня 2018 года, президент Франции Эмманюэль Макрон заявил, что миграционный кризис в ЕС преобразовался в кризис политический [14].

«Две стороны одной медали», или хронология китайской иммиграции в Европу. На фоне беспрецедентного всплеска иммиграции в регион в рамках «арабской весны» за рамками большинства исследований остается иммиграция из Китая; практически отсутствуют (или нам неизвестны) географические работы. Отчасти это объяснимо исторической спецификой процесса, который можно воспринимать и оценивать с двух позиций — со стороны страны исхода и со стороны стран, принимающих мигрантов. По масштабам, географической направленности и составу участников китайская эмиграция отличается наличием двух четко выраженных эр. Первая эра состоит из трех этапов. Первый — с древности до XIX века — характеризуется сравнительно скромной по объемам миграцией населения в соседние страны, преимущественно Юго-Восточной Азии. Второй этап — с XIX века, времени упадка династии Цин и существенного ослабления Китая, вплоть до образования КНР в 1949 году — выделяется значительным расширением географии миграции с основным ее каналом в виде торговли кули. Тридцатилетний этап 1949—1978 годов уникален почти полным отсутствием эмиграции в силу закрытости границ страны. Вторая эра началась с переходом Китая в 1978 году к осуществлению «политики реформ и открытости». Немногие задумываются над тем фактом, что около половины всей современной китайской диаспоры составляют лица, эмигрировавшие из страны после этого исторического события. Появление так называемых «новых» мигрантов коренным образом оказало влияние на уже существующие диаспоры и представления о китайцах во всем мире. Такие мигранты сыграли значительную роль и в развитии самого Китая. Именно они стали не только значимой силой в его модернизации, но и связующим звеном между КНР и внешним миром [17].

Несмотря на географическую удаленность, европейский континент издавна был притягательным для китайского населения. Экспертами выделяются также три этапа китайской иммиграции в регион. Первый (с конца XIX до середины XX века) характеризуется случайным появлением небольшого числа китайцев в странах Западной Европы, в первую очередь со значительным колониальным прошлым. Переселенцы добирались преимущественно морем и оседали в портовых городах, реже — сухопутным путем, через территорию России. Единственным периодом массового притока мигрантов из Поднебесной можно считать годы Первой мировой войны, когда европейские страны столкнулись с нехваткой рабочей силы. При этом население Великобритании и Франции часто принимало их за «национальную угрозу». После окончания военных действий большинство китайских мигрантов репатриировали. На этом этапе мигранты основали во многих крупных городах небольшие китайские кварталы — этнические анклав, чайна-тауны. Второй этап (с середины XX века до 1980-х годов) отличается ростом численности китайских иммигрантов за счет нелегальной эмиграции из КНР во время культурной революции и вторичных миграционных потоков из Азии²; их появлением в странах Центральной Европы; созданием собственной экономической ниши — ресто-

² В Великобританию прибывали этнические китайцы из Малайзии и Гонконга, в Нидерланды — из Индонезии и Суринама, во Францию — из Индокитая.

ранного бизнеса [32]. Третий, современный этап — во многом плод исторического совпадения второй эры эмиграции из Китая и либерализации миграционного законодательства в европейских странах в целях привлечения трудовых ресурсов из-за рубежа — выделяется значительными масштабами китайской иммиграции и подключением к числу дестинаций восточноевропейских государств. По сравнению с первыми волнами важные особенности структуры новых миграционных потоков в регион из Китая — баланс полов, значительная доля молодежи и высококвалифицированной рабочей силы, весомость образовательной миграции. Справочно отметим, что более 2,6 млн студентов из Китая получили высшее образование за рубежом. На родину из них вернулись 1,1 млн (41,9%). Только в 2011 году в зарубежных университетах обучались 339 тыс. китайских студентов [21; 30].

В соответствии с эконометрической моделью Э. Равенштейна и Э. Ли «толчок — притяжение» [34] (если абстрагироваться от анализа выталкивающих агентов), привлекательность стран зарубежной Европы для китайской иммиграции в настоящее время обеспечивают несколько групп факторов историко-географического, политического и социально-экономического характера. В какой-то мере учесть и «взвесить» значимость отдельных факторов позволяет расчет по совокупности стран ЕС корреляционной зависимости между долей китайских мигрантов в населении и рядом статистически доступных показателей (табл. 1).

Таблица 1

**Значимость факторов китайской иммиграции в страны зарубежной Европы,
2013 год***

Показатель	Доля китайских иммигрантов в населении страны
Индекс развития человеческого потенциала	0,7
Доходы населения (annual net earnings)	0,67
Накопленные прямые инвестиции из Китая	0,58
Уровень безработицы среди трудоспособного населения	–0,26
Доля китайской диаспоры в населении страны	0,78

* Значимость факторов определяется на основе расчета коэффициента ранговой корреляции.

Рассчитано по [20; 23; 27; 29].

Выясняется, что помимо принципов иммиграционной политики важными мотиваторами при выборе страны прибытия выступают уровень благосостояния и доходов местного населения, состояние рынка труда, а также осуществление странами-реципиентами экономического сотрудничества с КНР. Но определяющую роль получает — как своего рода «обратная связь» — наличие уже сложившейся китайской общины (величина коэффициента корреляции 0,78), что лишний раз подчеркивает значимость развитых социальных сетей иммигрантов.

В 2015 году из 76 млн международных мигрантов в Европе китайцы составляли менее 3% [22; 23; 27]. Далеко не все мигранты первого поколения являются гражданами КНР или Китайской Республики³, а их распределение по территории региона в силу различий в системе личностных приоритетов и факторов аттрактивности отдельных стран весьма неравномерно: 285 тыс.

³ Страны Европы, в том числе все страны ЕС, рассматривают Китайскую Республику как территорию, принадлежащую КНР, и не имеют с ней прямых дипломатических связей.

человек сконцентрировано в Великобритании, от 80 до 160 тыс. — во Франции, Италии, Испании, Германии и Нидерландах, заметно меньше — в остальных государствах. Доля китайцев в численности всех международных мигрантов существенно выше средней по региону в Великобритании, Нидерландах, Скандинавских странах, а также в Италии и Венгрии, уже давно играющей роль «ворот» в Европу⁴. С учетом высокой мобильности населения и в границах ЕС, и в пределах стран Шенгенского договора для более точной оценки особенностей размещения китайских иммигрантов первого поколения необходимо исключить внутрирегиональные миграции. Результаты расчетов удельного веса китайцев в аллохтонном населении показывают, что общая ситуация, становясь более выразительной, в целом мало меняется, но позволяют говорить о существовании трех категорий стран. Первая — с однозначно повышенной привлекательностью для китайских переселенцев (Нидерланды, Ирландия, Норвегия и Финляндия). Вторая — с равноценной силой притяжения мигрантов из Поднебесной и стран Европы (Германия, Бельгия, Люксембург). Третья — с максимальной открытостью «внешнему миру». В Великобританию и Францию направлены потоки мигрантов как из европейских стран, так и из других регионов мира (рис. 2).

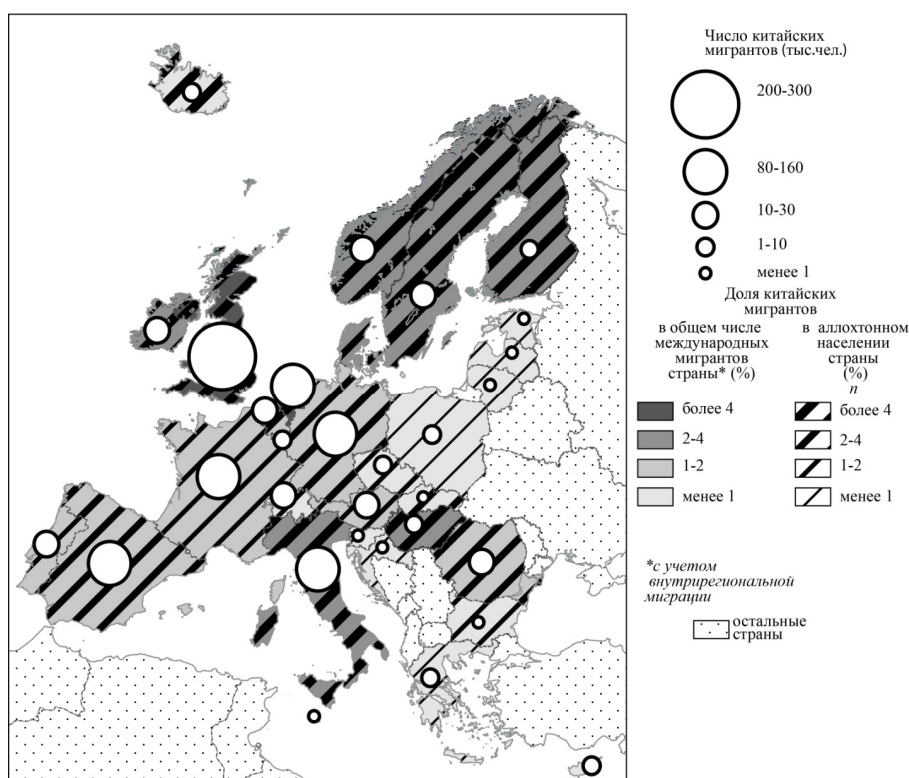

Рис. 2. Китайские мигранты в странах ЕС и ЕАСТ, 2011 год

Составлено по [20; 23; 27].

⁴ Например, в период с октября 1988 по апрель 1992 года Венгрию пересекли около 45 тыс. транзитных мигрантов из Китая, которые впоследствии рассеялись по территории Европы и отчасти Северной Америки [33, р. 16].

Формирование китайской диаспоры. Рост численности и территориальной концентрации иммигрантов закономерно запустили процесс формирования китайской диаспоры. Хотя, надо признать, что в научных кругах пока не сложились общепризнанная методология изучения феномена, его четкая дефиниция, совокупность «родовых» признаков и единая классификация [5, с. 563, 569]. Несмотря на длительную историю явления, как отмечает Т. С. Кондратьева, пристальное внимание зарубежных исследователей диаспоры стали привлекать с конца 1970-х годов, а в России — лишь во второй половине 1990-х годов. Впрочем, она же добавляет:

В последнее десятилетие видные российские ученые, такие как М. А. Аствацатурова, В. И. Дятлов, Т. С. Илларионова, З. И. Левин, А. В. Милитарев, Т. В. Полоскова, В. Д. Попков, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова и другие, в многочисленных публикациях, в том числе и в монографиях, не только обозначили свою позицию по широкому кругу проблем, связанных с диаспоральными сюжетами, но и вступили в оживленную дискуссию друг с другом [9].

В случае изучения китайской диаспоры дополнительные трудности приносит разветвленность исторически сложившегося понятийно-терминологического аппарата. Согласно закону КНР «Об охране прав и интересов вернувшихся хуацяо и их родственников» от 07.09.1990 года [6], существует несколько наименований (и терминов и их толкований) китайцев, проживающих за пределами страны.

1. *Тунбао* — соотечественники (кит. 同胞 tongbao) — китайцы, проживающие на территории Китайской Республики (Тайвань) и в специальных административных районах (Гонконг и Макао) и фактически не считающиеся представителями китайской диаспоры⁵.

2. *Хуацяо* — китайские мигранты (кит. 华侨 huaqiao) — китайцы, постоянно проживающие за рубежом и обладающие гражданством КНР, Китайской Республики и специальных административных районов (Гонконг и Макао). Исторически это понятие относилось к китайцам, переехавшим за рубеж на некоторое время, и не включало лиц, проживающих в других странах на постоянной основе. Данный термин получил широкое распространение в русскоязычной научной литературе.

3. *Вайцзи хуажэнь* — китайцы с иностранным гражданством (кит. 外籍华人 waiji huaren) — китайцы, хуацяо и их потомки, обладающие иностранным гражданством, получившие его в результате натурализации или при рождении и в силу этого автоматически утратившие гражданство КНР, Китайской Республики и специальных административных районов (Гонконг и Макао). Данный термин обозначает иностранцев китайского происхождения; сокращенная форма *хуажэнь* — *китайцы* (кит. 华人 huaren).

4. *Хуаи* — потомки китайцев (кит. 华裔 huayì) — лица китайского происхождения, потомки китайских мигрантов. Данный термин обозначает людей, родившихся и выросших за пределами Китая, получивших образование и социализировавшихся за рубежом, мигрантов второго, третьего поколений. Хуаи входят в состав представителей хуажэнь.

5. *Хайвай хуажэнь* — зарубежные китайцы (кит. 海外华人 haiwai huaren) — все китайцы и лица китайского происхождения, проживающие за рубежом, совокупность всех китайских мигрантов, зарубежная китайская община, фактически китайская диаспора. Во всех официальных документах КНР и Китай-

⁵ После присоединения Гонконга и Макао к КНР в законодательство внесены поправки от 31.10.2000 года.

ской Республики для определения китайского населения, проживающего за пределами Китая, независимо от гражданства используется именно этот термин. Данное понятие употребляется как для граждан КНР, Китайской Республики и специальных административных районов (Гонконг и Макао), проживающих за рубежом, так и для этнических китайцев, получивших иностранное гражданство. К диаспоре относятся потомки китайских мигрантов, лица, родившиеся за пределами Китая в этнически смешанных семьях, сохраняющих свою этническую идентичность и связь с исторической родиной.

В англоязычной научной литературе часто используется калька с китайского языка для описания диаспоры, всего китайского населения, проживающего за пределами Китая, — *Overseas Chinese*.

Так или иначе, существование китайской диаспоры как, согласно определению Т.В. Полосковой, сплоченной, устойчивой социальной группы (объединения людей, имеющих общий значимый признак и участвующих в совместной деятельности, которая регулируется формальными и неформальными институтами), проживающей за пределами страны своего общего географического происхождения и обладающей единым этническим самосознанием, создающей собственные социальные, политические и экономические институты для поддержания самосознания идентичности и общности [15], не вызывает сомнений. Другое дело, что многообразие терминологии и принципов статистического учета сказывается на вариативности исчислений масштаба явления. По разным оценкам, численность этнических китайцев, обосновавшихся вне родины, составляет от 35 до 62 млн человек. «Можно сказать, всюду, где светит солнце, есть и наши собраты», — с гордостью говорят в Пекине [12]. Однако основная часть китайской общины — свыше 70% — приходится на страны АСЕАН. На их фоне зарубежная Европа выглядит довольно скромно, хотя точных количественных сведений нет. Так, в 2011 году, согласно оценкам Европейско-китайского научно-консультативного сообщества (*Europe China Research and Advice Network, ECRAN*), численность этнических китайцев в странах ЕС составляла 2,3 млн человек, что в 1,5 раза больше данных Комиссии по делам зарубежных китайцев (*Overseas Chinese Affairs Commission, OCAC*) [27; 31].

При этом по сравнению с другими регионами мира Европа выделяется особой мозаичностью китайской диаспоры (рис. 3). Во-первых, ее численность в странах региона варьирует в очень широких границах — от 650 тыс. человек в Великобритании до менее 1 тыс. в ряде малых стран. Во-вторых, широк разброс пропорций между хуажень и хуацяо, что отчасти предопределяет преимущественную лояльность местным или китайским властям. Закономерно, что первые преобладают в большинстве стран ЕС, за исключением, например, Италии, Испании, Финляндии и т. д. В-третьих, колоссальна дифференциация стран региона по доле в структуре диаспоры иммигрантов первого поколения с повышенным весом молодежи, высокообразованных лиц, квалифицированных кадров, стремящихся ассимилироваться в европейском социуме, найти работу в престижных областях рынка труда (науке, медицине, бизнесе, финансах, образовании, управлении, искусстве). Именно они задают количественные параметры диаспоры и отвечают за формирование стереотипа «модельного этнического меньшинства», плотно закрепившегося в сознании американского общества⁶. В то же время он лишь отчасти верен, поскольку характеризует

⁶ Термин «модельное меньшинство» был введен социологом У. Петерсеном в эссе «Success Story: Japanese American Style», опубликованном в журнале «Нью-Йорк Таймс» в 1966 году, для описания американцев азиатского происхождения как этнических меньшинств, которые, несмотря на маргинализацию, добились успеха в США.

только привилегированную часть диаспоры. Есть и другая, «теневая» часть, представленная рабочими и обслуживающим персоналом с разными демографическими параметрами, но с относительно низким уровнем образования, благосостояния и знания языка местопребывания, а также нелегалами. Это, безусловно, отдельное проблемное и пока малоизученное поле. Но возникновение глубоких расколов в обществе между местными гражданами и бесправными иммигрантами, отличающимися от принимающего населения по языку и религии, именуемых в классической политологии как *mutually reinforcing cleavages* [28; 35; 37], весьма маловероятно.

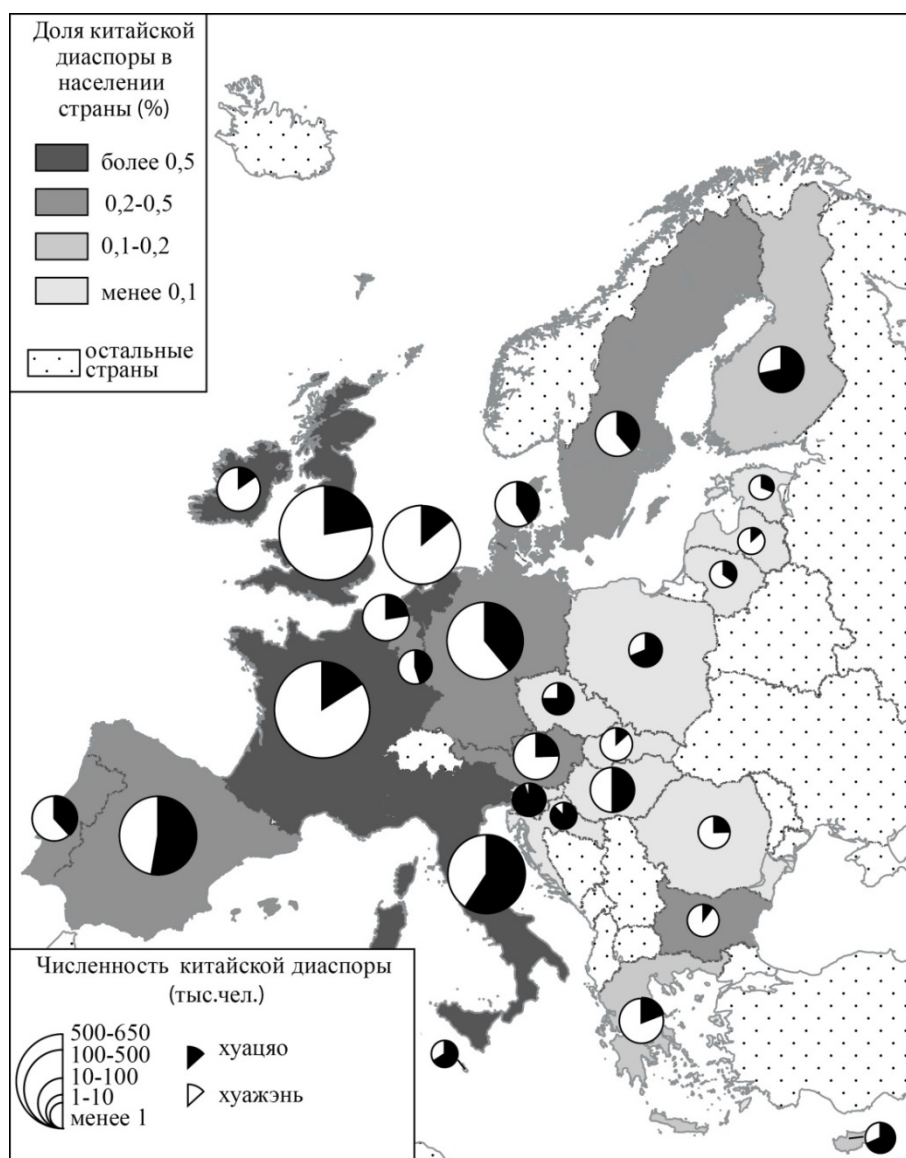

Рис. 3. Китайская диаспора в странах ЕС, 2011 год

Составлено по [20; 27; 31].

К настоящему времени в ЕС сложился паритет между китайскими иммигрантами первого поколения (53 %), с одной стороны, и довольно пестрой категорией хуаи — с другой. Однако две трети стран сообщества относятся к имеющим относительно поздний старт формирования китайской диаспоры, что лишний раз подчеркивает новизну явления и актуальность его изучения. Сопряженный анализ общей численности диаспоры и ее «возраста» позволяет разделить государства ЕС на четыре основные группы. Две категории формируют страны со значительной численностью китайской диаспоры, но в одной из них «новые» мигранты составляют менее 50 % (Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды, Ирландия), а в другой — более 50 % (Германия и Испания). По аналогии выделяются еще две категории стран с относительно малой численностью китайской диаспоры. Подавляющая их часть относится к типу с преобладанием мигрантов первого поколения (табл. 2). В ряде случаев, например в Швеции и странах Прибалтики, они составляют более 85 % диаспоры.

Таблица 2

Группировка стран ЕС по величине и «возрасту» китайской диаспоры, 2011 год

Величина диаспоры	Численность диаспоры, тыс. чел.	«Возраст» диаспоры*	
		«Старая»	«Молодая»
Крупная		<i>Крупная «старая»</i>	<i>Крупная «молодая»</i>
	Более 500	Великобритания, Франция	
	100—500	Италия, Нидерланды	Испания, Германия
	50—100	Ирландия	
Малая		<i>Малая «старая»</i>	<i>Малая «молодая»</i>
	10—50	Бельгия, Португалия	Австрия, Швеция, Греция, Венгрия, Дания
	менее 10	Болгария, Румыния, Словакия	Финляндия, Чехия, Польша, Люксембург, Кипр, Словения, Литва, Хорватия, Мальта, Латвия, Эстония

* «Возраст» китайской диаспоры определяется удельным весом в ней иммигрантов первого поколения.

Составлено по [27].

Размещение китайской диаспоры в Европе. Сфокусированность основного потока «новой» миграции в относительно узком круге стран приема усиливает контрасты в размещении китайской диаспоры в Европе. Ее общая численность имеет выраженный меридиональный градиент, убывая с запада на восток (см. рис. 2, с. 84), и находится почти в полном соответствии с географией наиболее экономически развитых и многолюдных стран. Это, в частности, подтверждают высокие значения коэффициента корреляции для стран ЕС (0,8174 в случае соотнесения с ВВП и 0,7908 — населения). Более 98 % диаспоры сконцентрировано только в 10 странах, а 50 % приходится на Великобританию и Францию. Большие китайские общины сформировались в Германии и Нидерландах, а также в проводивших сравнительно недавно амнистию нелегальных иммигрантов Италии и Испании, которые сами являются в некоторой степени странами — «экспортерами» мигрантов. На этом фоне остаются менее значимыми государства Северной Европы и особенно Восточной Европы, границы

которых стали открытыми для китайской иммиграции только с 1990-х годов. Исключение в последнем случае составляют лишь Венгрия и Румыния, где в современной структуре международных мигрантов доля китайцев относительно повышена. Иными словами, с позиций центр-периферической концепции размещение китайской диаспоры в зарубежной Европе носит полицентрический характер с четко выраженным региональным ядром и обширной периферией на северо-востоке. При этом эксперты прогнозируют активный рост диаспоры именно в главных странах ядра — Великобритании, Франции, Германии и Нидерландах, а также в Венгрии, отчасти сохраняющей транзитную функцию.

В силу ряда обстоятельств китайские иммигранты практически отсутствуют в сельской местности принимающих стран, явно тяготея к городским образованиям. Можно сказать, что размещение китайской диаспоры близко совпадает с урбогеографией Европы с акцентом на столичные и портовые города. Дискриминация китайцев на начальном этапе иммиграции привела к образованию этнических анклавов — чайна-таунов⁷. Но снятие проблемы и появление возможности быстрой интеграции в общественную жизнь после окончания Второй мировой войны обусловили отсутствие в европейских агломерациях крупных китайских кварталов американского образца. Здесь китайцы расселены преимущественно дисперсно, выраженных национальных анклавов сравнительно немного. Они являются относительно малолюдными и, как правило, выступают местами концентрации этнического бизнеса.

Главные центры локализации китайской диаспоры в Великобритании — Лондон (30% диаспоры), Бирмингем, Глазго, Манчестер и Ливерпуль; во Франции — Лион и Марсель; в Италии — Милан, Флоренция, Турин и Венеция; в Испании — Мадрид, Барселона, Валенсия и Аликанте; в Германии — Берлин, Гамбург, Бонн, Франкфурт-на-Майне и Мюнхен; в Нидерландах — Амстердам; в Ирландии — Дублин. Все эти города существенно различаются по истории возникновения, масштабам и структуре диаспоры и могут служить «ключами» к изучению географии выхода китайских иммигрантов. Так, если в агломерациях Германии основную часть диаспоры составляют выходцы из Шанхая и северо-восточных провинций Китая, то в Дублине — из Гуандуна (Кантон) и Гонконга, а в Амстердаме — из Гонконга и бывших голландских колоний Индонезии и Суринама.

Этническая «диффузия» или часть «европейского проекта» в реализации глобальной стратегии Пекина? «Новая» китайская иммиграция не только благотворно отразилась на изменении социально-демографических структур и восполнении дефицита рабочей силы в странах Европы, но и укрепила имидж «модельного меньшинства», привнесла новые черты в состав и размещение этнической диаспоры в регионе. В зависимости от исходного целеполагания ее изучение возможно с разных позиций: во-первых, с позиции европо- или китаеццентрического подхода, а во-вторых, в узком, чисто специальном, или широком, комплексном формате, но при обязательном учете появившихся при развитии экономической и культурной глобализации наиболее благоприятных условий как для иммиграции, так и для эмиграции, когда нет необходимости в принятии окончательного решения о месте постоянного жительства. В исследовании Ф. Янга эта тенденция охарактеризована как транснационализм китайской миграции (см.: [36]).

⁷ Самые крупные чайна-тауны находятся в Париже, Лондоне и Ливерпуле [19].

Вопрос «китаизации» европейцев получает отчасти локальный характер в контексте разворачивающейся борьбы за мировое лидерство между ведущими державами в рамках перехода к третьему глобальному интеграционному циклу. При этом современные позиции участвующих в миграционном процессе сторон можно качественно обобщить, приведя восточные изречения. Для Китая скорее подойдет следующее: «Лучшее время, чтобы посадить дерево, было двадцать лет назад. Следующее лучшее время — сегодня». Для Европы: «Живи, сохраняя покой. Придет время, и цветы распустятся сами». Важно, что Китай рассматривает эмиграцию в контексте стратегии «идти вовне» и в комбинации с иными действенными механизмами политики «мягкой силы»⁸, вовлекая европейские страны в сотрудничество в самых разных областях — экономической, проектно-инвестиционной, научно-технической, образовательной⁹, социокультурной и т. д.

Формат китайского бизнеса быстро и во много раз превысил масштабы экономической деятельности всех прочих азиатских меньшинств в Европе. Так, за последние 6 лет китайские капиталовложения в экономику ЕС увеличились в 10 раз [7]. Только в 2016 году, по данным консалтинговой компании EY, они выросли почти вдвое — с 30,1 млрд долларов до 85,8 млрд. За этот год китайцы приобрели 309 европейских компаний или доли в них. По числу таких объектов первое место заняла Германия (68 приобретений), второе — Великобритания (47), третьи делят Франция и Италия (по 34). Для сравнения: почти 10 лет назад, в 2007 году, китайцы купили в Европе только 51 компанию [16]. При понятных приоритетах китайские инвестиции имеют широкую географию, их можно обнаружить во всех без исключения государствах Европы, в том числе и Балтийского региона. В частности, еще в 2012 году для налаживания сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы запущен проект «16+1»¹⁰. Его главная цель — получение доступа к технологиям и исследованиям, международным каналам продаж и узнаваемым брендам, обеспечение поставок сырья для китайской экономики. Дополнительной целью предприятий Поднебесной является инвестирование в проекты из области внешней инфраструктуры, а также предоставление льготных кредитов для проектов, реализуемых китайскими подрядчиками [1].

Иными словами, Китай в Европе «всерьез и надолго». Более того, официальный Пекин постепенно сокращает проекты, связанные с репатриацией в целях восполнения ресурсов человеческого капитала, и переходит к масштабной стратегии «служить родине из-за рубежа». Главная ее задача — сформировать китаеццентричную прослойку в качестве фактора государственного влияния в странах с высокой концентрацией этнических общин. В дальнейшем представители подобных групп влияния должны глубоко интегрироваться в общественно-политическую и экономическую жизнь страны проживания и при необходимости лоббировать интересы Китая. Таким образом, основной упор будет сделан на сохранение и укрепление национального самосознания диаспоры как фактора будущего глобального политического и экономического превосходства Китая [3].

⁸ Термин «мягкая сила» (*soft power*) трактуется часто по-разному. Для Китая он означает «мудрая сила». Главным образом, сюда вкладывается конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует руководствоваться при принятии решений во внешней политике государства [8].

⁹ Например, согласно данным Министерства образования КНР на конец 2017 года, на страны Европы приходится более 1/3 всех институтов и классов Конфуция.

¹⁰ В него входят 11 стран — членов ЕС и 5 балканских стран (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония).

По мотивам исследования возникает большой спектр как общих вопросов — об объединении усилий ученых разных областей знания в рамках единой дисциплины, нацеленной на познание феномена этнических диаспор; о модернизации системы регистрации международных мигрантов и создании «сводного» центра учета лиц, проживающих вне страны рождения, — так и более частных, адресованных России: о налаживании конструктивного взаимодействия с русской диаспорой, инициативности международных проектов, многостороннем учете зарубежного (китайского) опыта, развитии политики «мягкой силы» и пр.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 16-06-00492 «Градоцентрическая модель территориальной организации мирового хозяйства»).

Список литературы

1. Беляков Д. Стратегия Пекина в Центральной Европе // СОНАР 2050. 01.12.2017. URL: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/> (дата обращения: 27.05.2018).
2. Вишневский А. Г., Дмитриев Р. В. Глобальные демографические процессы в XX — начале XXI века // География мирового развития / под ред. Л. М. Синцера. М., 2016. Вып. 3. С. 197—229.
3. Галстян А. Китайские диаспоры начали захватывать экономики стран мира // Institute of Social and Economic Development. URL: <http://isedworld.org/2017/11/27> (дата обращения: 21.06.2018).
4. Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю., Эйдемиллер К. Ю. Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: плоды европейского мультикультурализма // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 43—62.
5. Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения : матер. междунар. науч. конф. Кишинев, 2018.
6. Закон КНР об охране инвесторов и прав вернувшихся хуацяо и родственников-цзяоцзянь. П. 2. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html> (дата обращения: 12.04.2018).
7. За последние несколько лет КНР резко увеличила объем прямых инвестиций в страны ЕС. Сколько Китай вкладывает в Европу — в инфографике Sputnik. 03.11.2017. URL: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html> (дата обращения: 27.05.2018).
8. Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. С. 26—36.
9. Кондратьева Т. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> (дата обращения: 27.05.2018).
10. Коробков А. В. Крупнейшие миграционные системы мира: общие тренды и различия // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М. ; Смоленск, 2016. С. 313—327.
11. Кузнецова Т. Ю. Демография с основами этнографии. Калининград, 2012.
12. Ларин А. Г. Китай и зарубежные китайцы. М., 2008.
13. Мировая экономика и международные отношения. Полный курс : учебник / под ред. А. С. Булатова. М., 2017.
14. Макрон заявил, что миграционный кризис в ЕС перерос в политический // ТАСС. Информационное агентство России. Международная панорама. 24.06.2018. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5319360> (дата обращения: 26.06.2018).
15. Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутривосприимчивые и международные аспекты. М., 2002.
16. Рождественская Я. Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ. 26.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876> (дата обращения: 27.05.2018).
17. Фельде А. В. «Новая» китайская миграция как фактор модернизации КНР : магистер. дис. Екатеринбург, 2015. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31582/1/m_th_a.v.felde_2015.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
18. Шатило Д. П. Социальная дифференциация городских территорий (на примере стоимости жилья и расселения иммигрантов в крупных столицах Европы) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2018.

19. *Chinatownology*. URL: <http://www.chinatownology.com> (дата обращения: 12.04.2018).
20. *Eurostat*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 12.04.2018).
21. *Global Migration: Demographic Aspects and Its Relevance for Development* // U.N. Department of Economic and Social Affairs. Technical Paper. 2013. № 6.
22. *Global Migration Map: Origins and Destinations, 1990—2017*. URL: <http://www.pewglobal.org/2018/02/28/global-migrant-stocks/?country=CN&date=2017> (дата обращения: 12.04.2018).
23. *Human Development Report, 2015*. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2015_statistical_annex.pdf (дата обращения: 15.04.2018).
24. *Inkpen Ch. 7 Facts About World Migration* // Pew Research Center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/02/7-facts-about-world-migration/> (дата обращения: 15.04.2018).
25. *International Migration Report 2015*. N. Y., 2016.
26. *Joppke Ch. Trends in European Immigration Policies // A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration* / eds. J.P. Burgess, S. Gutwirth. Brussels, 2011.
27. *Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications*. L., 2013.
28. *Lipset S. M. Political Man*. Garden City. N. Y., 1960.
29. *Ministry of Commerce People's Republic of China*. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment> (дата обращения: 15.04.2018).
30. *Open Doors, Project-Atlas of Student Mobility* // Institute of International Education. N. Y., 2012.
31. *Overseas Community Affairs Council (OCAC), United Nations Statistics Division*. URL: <http://www.ocac.gov.tw> (дата обращения: 15.04.2018).
32. *Parker D. Chinese People in Britain: Histories, Futures and Identities*. L., 1998.
33. *Pieke F. Recent Trends in Chinese Migration to Europe: Fujianese Migration in Perspective*. Geneva, 2002.
34. *Ravenstein E. G. The Laws of Migration* // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52. P. 241—301.
35. *Rokkan S. Geography, Religion and Social Class: Cross-cutting Cleavages in Norwegian Politics*. N. Y., 1967.
36. *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora* / ed. by C.-B. Tan. N. Y., 2013.
37. *Simmel G. Soziologie*. Leipzig, 1908.

Об авторах

Николай Александрович Слука, доктор географических наук, профессор, кафедры географии мирового хозяйства, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: sluka2011@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2974-1027>

Андрей Владимирович Коробков, доктор философии, профессор политологии, Университет Среднего Теннесси, США.

E-mail: andrei.korobkov@mtsu.edu

Павел Николаевич Иванов, магистрант, кафедры географии мирового хозяйства, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: pavel.ivanov.n@yandex.ru

Для цитирования:

Слука Н.А., Коробков А.В., Иванов П.Н. Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 80—95. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-5.

THE CHINESE DIASPORA IN THE BALTIC REGION STATES

N. A. Sluka¹
A. V. Korobkov²
P. N. Ivanov¹

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia

² Middle Tennessee State University
1301 East Main Street, Murfreesboro, TN 37132, USA

Submitted on May 13, 2018

doi: 10.5922/2078-8555-2018-3-5

This article is a further contribution to the discourse of ethnic 'diffusion' in European countries. The debate started on the pages of the Baltic Region journal by three authors — Yu. N. Gladky, I. Yu. Gladky, and K. Yu. Eidemiller [4]. We assume that Europe has been a major centre of attraction for immigrants in recent decades and a site for the rapid emergence of ethnic communities. Unlike Muslim immigration, a product of the Arab Spring and often a measure of last resort, Chinese immigration is a result of a certain convergence between the ideologies of the host countries, committed to multiculturalism, and the country of origin pursuing a 'go global' policy. We chose the EU countries as a 'demonstration site' and the Chinese diaspora as the object of research. Our aim is to describe the process of migration from China and the formation of a Chinese diaspora in European countries. We analyse the timeline and the scope of Chinese immigration, qualitative changes in the composition of immigrants, factors affecting the choice of the country of entry, and the quantitative parameters and settlement patterns of today's Chinese diaspora in the region. We suggest grouping the Baltic region states by the number and 'age' of their Chinese diasporas. We consider ethnic 'diffusion' as part of the 'European project' within Beijing's global strategy.

Keywords: ethnic diffusion, new migrants, Chinese diaspora, EU countries

References

1. Belyakov, D. 2017, Beijing's Strategy in Central Europe, *SONAR 2050*, 01.12.2017, available at: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).
2. Vishnevsky, A. G., Dmitriev, R. V. 2016, Global Demographic Processes in the XX — Early XXI centuries, *Geografiya mirovogo razvitiya* [Geography of World Development], no. 3, p. 197—229 (in Russ.).
3. Galstyan, A. 2018, Chinese Diasporas Began to Seize Economies of the World, *Institute of Social and Economic Development*, available at: <https://is.gd/R1eDoz> (accessed 21.06.2018) (in Russ.).
4. Gladkiy, Yu. N., Gladkiy, I. Yu., Eidemiller, K. Yu. 2017, Islamic Diffusion in the Baltics: The Fruit of European Multiculturalism, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 30—44. doi: 10.5922/2079-8555-2017-3-3.
5. Diasporas in the Modern World: The Regional Context and the Potential for Sustainable Development of the Country of Origin, 2018, Materials of the International Scientific Conference, *International Organization for Migration*, mission to Moldova, Chisinau, December 21, 2017, 594 p. (accessed 21.06.2018) (in Russ.).
6. The PRC Law on the Protection of Investors and the Rights of Returned Huatsiao and QiaoJuang Relatives, item 2, available at: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html> (accessed 12.04.2018) (in Chines).
7. How Much Does China Invest in Europe, 2017, *Sputnik*, 03.11.2017, available at: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).

8. Kasatkin, P. I., Ivkina, N. V. 2018, Cultural and Educational Components of the «Soft Power» of the EU, *Comparative Politics Russia*, Vol. 9, no. 1, p. 26—36 (in Russ.).
9. Kondratieva, T. 2010, Diasporas in the Modern World: The Evolution of the Phenomenon and Concepts, «*Perspektivy*». *Fond istoricheskoi perspektivy* ["Prospects". Historical Perspective Fund], 27 February 2010, available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).
10. Korobkov, A. V. 2016, The Largest Migration Systems in the World: General Trends and Differences. In: Kolosov, V. A., Sluka, N. A. *Geografiya mirovogo khozyaistva: traditsii, sovremennost', perspektivy* [Geography of the World Economy: Traditions, Modernity, Prospects] Moscow-Smolensk, p. 313—327 (in Russ.).
11. Kuznetsova, T. Yu. 2012, *Demografiya s osnovami etnografii* [Demography with the Basics of Ethnography], Kaliningrad, 93 p. (in Russ.).
12. Larin, A. G. 2008, *Kitai i zarubezhnye kitaitsy* [China and overseas Chinese], Moscow, 96 p. (in Russ.).
13. Bulatov, A. S. (ed.) 2017, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye Otnosheniya* [World Economy and International Relations], 916 p. (in Russ.).
14. Macron Said that the Migration Crisis in the EU has Grown into a Political, 2018, *Tass*, Russian News Agency, June 24, 2018, available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5319360> (accessed 26.06.2018) (in Russ.).
15. Poloskova, T. V. 2002, *Sovremennye diaspory: vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty* [Modern Diasporas: Domestic Political and International Aspects], Moscow, 284 p. (in Russ.).
16. Rozhdestvenskaya, Ya. 2017, Chinese Investments in Europe Reached a Record Level, *Kommersant*, January 26, 2017, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).
17. Felde, A. V. 2015, «New» Chinese Migration as a Factor in China's Modernization. Master. Thes., Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia BN. Yeltsin, 122 p., available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31582/1/m_th_a_v.felde_2015.pdf (accessed 20.05.2018) (in Russ.).
18. Shatilo, D. P. 2018, Social Differentiation of Urban Areas (Based on the Cost of Housing and Resettlement of Immigrants in Major European Capitals), PhD Thes., Moscow, Lomonosov Moscow State University named after, 27 p. (in Russ.).
19. *Chinatownology*, available at: <http://www.chinatownology.com> (accessed 12.04.2018).
20. *Eurostat*, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat> (accessed 12.04.2018).
21. Global Migration: Demographic Aspects and Its Relevance for Development, 2013, *U.N. Department of Economic and Social Affairs, Technical Paper*, no. 6.
22. *Global Migration Map: Origins and Destinations, 1990—2017*, available at: <http://www.pewglobal.org/2018/02/28/global-migrant-stocks/?country=CN&date=2017> (accessed 12.04.2018).
23. *Human Development Report*, 2015, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2015_statistical_annex.pdf (дата обращения 15.04.2018).
24. Inkpen Ch. 7 Facts About World Migration, 2014, *Pew Research Center*, available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/02/7-facts-about-world-migration/> (accessed 15.04.2018).
25. *International Migration Report* 2015, 2016, N. Y., U. N., Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
26. Joppke, Ch. 2011, Trends in European Immigration Policies, In: Burgess, J. P., Gutwirth, S. (eds.) *A Threat Against Europe? Migration and Integration*, Brussels.
27. Latham, K., Wu, B. 2013, *Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications*, London.
28. Lipset, S. M. 1960, *Political Man*. Garden City, N. Y.
29. *Ministry of Commerce People's Republic of China*, available at: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment> (accessed 12.04.2018).
30. *Open Doors, Project-Atlas of Student Mobility*, 2012, Institute of International Education, N. Y.
31. Overseas Community Affairs Council (OCAC), 2018, *United Nations Statistics Division*, available at: <http://www.ocac.gov.tw> (accessed 15.04.2018).

32. Parker, D. 1998, *Chinese People in Britain: Histories, Futures and Identities*, L.
33. Pieke, F. 2002, *Recent Trends in Chinese Migration to Europe: Fujianese Migration in Perspective*, Geneva, 60 p.
34. Ravenstein, E. G. 1889, The Laws of Migration, *Journal of the Royal Statistical Society*, Vol. 52, p. 241—301.
35. Rokkan, S. 1967, *Geography, Religion and Social Class: Cross-cutting Cleavages in Norwegian Politics*, N. Y.
36. Tan, C.-B. (ed.) 2013, *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora*, N. Y., 512 p.
37. Simmel, G. 1908, *Soziologie*, Leipzig.

The authors

Prof. Nikolai A. Sluka, Department of Geography of World Economy, Moscow State University, Russia.

E-mail: sluka2011@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2974-1027>

Dr Andrei V. Korobkov, Professor, Middle Tennessee State University, USA.

E-mail: andrei.korobkov@mtsu.edu

Pavel N. Ivanov, Master Student, Department of Geography of World Economy, Moscow State University, Russia.

E-mail: pavel.ivanov.n@yandex.ru

To cite this article:

Sluka, N.A., Korobkov, A.V., Ivanov, N.P. 2018, The Chinese Diaspora in the Baltic Region States, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 80—95. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-5.